

А. И. Жеребин
Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

ГЕРМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ КАК АВТОРСКИЙ ПРОЕКТ

Статья представляет собой опыт обобщенной интерпретации политической и литературной личности Отто фон Бисмарка как одной из ключевых фигур немецкой и европейской культуры XIX в. Задача статьи — напомнить читателю о том, что значение Бисмарка выходит далеко за рамки истории международных и дипломатических отношений и должно изучаться в неразрывной связи с историей идей, в частности, на фоне немецкого романтизма и русского славянофильства. Важнейшим источником для такой постановки вопроса является мемуарная книга Бисмарка *Воспоминания и мысли*, сопоставимая с лучшими образцами документальной прозы, которые, не теряя своей специфики, не превращаясь ни в романы, ни в повести, являются в то же время выдающимися памятниками словесного искусства.

Ключевые слова: Бисмарк; геополитика; Германская империя; исторический фатализм; консервативная утопия; мемуары

1. Введение

Личность и историческая роль Отто фон Бисмарка изучены во всех подробностях, в особенности в немецкой науке. Историки владеют обширным и точным знанием биографических фактов, социально-политических и экономических контекстов и причинно-следственных связей, деталей официальной и закулисной дипломатии (ЧУБИНСКИЙ 1988; KRAUS 2015). Вне рассмотрения или в тени остаются при этом мировоззренческие основы деятельности Бисмарка, определявшие его политическую программу и получившие отражение в его мемуарах. Тесная корреляция между историей мысли и историей общественной практики, обусловленный ею трагический разрыв между замыслом и воплощением составляет отдельную тему, отвечающую современному методологическому повороту в развитии гуманитарного знания — повышенному вниманию к нарративу в историографии и к «внелитературным» явлениям в литературоведении.

2. Характеристика материала и методов исследования

Когда в 1860-е гг. А. Н. Веселовский набрасывал первые планы своей *Исторической поэтики*, он включил в нее раздел под

названием *История идеалов*. К области истории идей, и сегодня представляющих предмет научного интереса, относится и предлагаемое прочтение избранного исторического сюжета. По методу оно тяготеет к герменевтической практике интерпретации текста, будь то текст истории или литературы, и предполагает актуализацию семантического потенциала изучаемых явлений. Отсюда постоянно присутствующая в тексте нижеследующего очерка русская перспектива — эксплицитное или имплицитное указание на переклички в развитии немецкой и русской мысли, которые не в последнюю очередь объясняются сходным положением обеих стран в системе европейских государств.

3. Результаты исследования и их обсуждение

В 1871 г. энергичная дипломатическая и военная политика Бисмарка завершилась образованием Германской империи. В том же году Н. Я. Данилевский выпустил в свет книгу *Россия и Европа*, которая открывается следующим предложением:

«Летом 1866 года совершилось событие огромной исторической важности. Германия, раздробленная в течение столетий, начала спланиваться под руководством гениального прусского министра в одно сильное целое» (ДАНИЛЕВСКИЙ 1995: 3).

Гениальный прусский министр — это не кто иной, как Отто фон Бисмарк, которого современники сравнивали с Цезарем и Наполеоном, рассматривая его зодчество истории как эстетический акт жизнотворчества, творчества социокультурных ценностей. Страстная вера в великое предназначение Германии и в свою личную миссию творца новой, еще небывалой реальности, непреклонная воля и холодная расчетливость мастера, властно подчиняющего хаос эмпирического материала своему замыслу, презрительное недоверие к господствующим нормам общественно-политической жизни, твердое убеждение в том, что внешняя легальность обязана отступить перед внутренней правдой истории, каковой она представляется ее автору-творцу — все эти качества и черты мировоззрения Бисмарка, получившие отражение в его государственной деятельности, а позднее и в его мемуарах, дали основание превозносить его как наследника и продолжателя той философско-эстетической «революции духа», которая прославила Германию в первой половине XIX в.

Бессильная в национально-политическом отношении, Германия так называемого «эстетического периода» («Kunstperiode»)

своей истории пользовалась тогда в мире величайшим авторитетом как страна поэтов и философов, страна Гёте и Шиллера, Канта и Гегеля, родина романтических грез и метафизических прозрений. Так думала о Германии госпожа де Сталь, так думал молодой Белинский, для которого Германия — «Иерусалим новейшего человечества» (БЕЛИНСКИЙ 1956: 152). Но уже в 1844 г. Генрих Гейне иронизировал:

Franzosen und Russen gehört das Land,
Das Meer gehört den Briten,
Wir aber besitzen im Luftreich des Traums
Die Herrschaft unbestritten.

Hier üben wir die Hegemonie,
Hier sind wir unzerstückelt;
Die andern Völker haben sich
Auf platter Erde entwickelt (HEINE 1970: 110).

Поэма Гейне называлась *Германия. Зимняя сказка*: ему казалось, что немецкая революция духа, изначально связанная с политической революцией 1789 г. во Франции, эту связь забыла и предала, остались одни застывшие узоры забытых снов. Накануне 1848 г. многие, как и Гейне, мечтали, что Германия проснется под звуки «Марсельезы», призрак коммунизма уже бродил по Европе. Но немецкая весна началась позже и не по французскому сценарию, а по сценарию убежденного роялиста Бисмарка.

Начав свою политическую деятельность именно в 1848 г., он сделал все для того, чтобы французский сценарий в Германии провалился. Когда в 1852 г. прусский король отправляет Бисмарка своим посланником в Вену, он характеризует его в письме императору Францу-Иосифу как своего личного друга и верного слугу, которого отличает «рыцарски свободная преданность престолу и непримиримая вражда к революции вплоть до самых глубоких ее корней» (БИСМАРК 1940, I: 71).

Благодаря Бисмарку победу одержала в Германии другая, альтернативная революция — монархическая «революция сверху», которой и надлежало переключить все достижения немецкой культуры в «жалкую» земную действительность, возвысить ее до них. Империя — так, во всяком случае, долгое время представлялось немецким интеллектуалам — была призвана объединить в себе не только немецкие княжества, но и два трагически разделенных царства — царство духа и царство плоти. Имя «же-

лезного канцлера» стало символом прорыва в новое духовное пространство, имеющее обрести видимые очертания на территории объединенной Германии. С одной стороны, Бисмарк олицетворял «политический реализм», то, что называлось тогда в Германии словом «Realpolitik», с другой, — над его головой еще витали, по выражению Фридриха Гундольфа, «безумные грезы наших одиноких мечтателей, наших очарованных идеалистов» (GUNDOLF 1980: 304).

Эпоха Бисмарка, открывшаяся военными победами в 1866 г. над Австрией, а затем в 1870 г. над Францией, словно бы доказывала, что немецкая гегемония в области духовной культуры служила лишь подготовкой и оправданием реального мирового господства, путь к которому был открыт созданием Германской империи под главенством Пруссии. Это государство было «художественным произведением» Бисмарка, его личной утопией, которую он, благодаря его таланту и искусству, в течение двух десятилетий успешно выдавал за жизнестойкую реальность, хотя и был вынужден — шаг за шагом — от нее отказываться, все больше сворачивая на другие рельсы, ведущие, по выражению В. Эрна, «от Канта к Круппу» (ЭРН 1914: 116-124). В более широкой исторической перспективе это был путь от утопии «Третьего Царства», царства духа, нашедшего свое земное воплощение, к жестокой реальности «Третьего Рейха».

Этот поворот рано почувствовал Тютчев. В 1870 г. под впечатлением сокрушительного поражения Франции под Седаном он пишет политическое стихотворение *Два единства*:

Из переполненной Господним гневом чаши
Кровь льется через край, и Запад тонет в ней.
Кровь хлынет и на вас, друзья и братья наши!
Славянский мир, сомкнись тесней...

Единство — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...

Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней... (ТЮТЧЕВ 1913: 312)

В одной из своих первых речей на посту премьер-министра Пруссии Бисмарк, тогда еще не «оракул наших дней», а начинающий политик, действительно, произносил слова о том, что важные вопросы современности решаются «не речами и высочайшими постановлениями, а железом и кровью» (BISMARCK

1956: 124). Но не Россия была адресатом силовой политики, сделавшейся своего рода «брендом» «железного канцлера». Главные его оппоненты — это западный либерализм, «Немецкая партия прогресса» в прусском ландтаге и либералы английской ориентации при прусском дворе с их проектом вестернизации Германии. «Источник нашей силы — писал Бисмарк в 1863 г. генералу фон Гольцу, — не палаты парламента и не пресса, а великодержавная политика вооруженной руки» (BISMARCK 1956: 130).

В этом отношении тютчевское противопоставление «двух единств» бьет мимо цели. Мироззрение Бисмарка сложилось под сильным влиянием немецкого патриотического романтизма (WALZEL 1918: 104-112), одного из важнейших источников славянофильства (СТЕПУН 1999: 341-357). Несмотря на опасения, которые внушала ему идея панславизма, общие для романтиков и славянофилов идеалы — утопия народной монархии и органической культуры — не только не противоречили его взглядам, но и в значительной степени совпадали с его собственной политической программой.

Создание единой Германской империи мыслилось Бисмарком как исторический акт самоопределения, самоидентификации Германии — по отношению к Западу и по отношению к России. Задача новой Германии заключалась, по Бисмарку, в том, чтобы выработать и утвердить на международной арене свою индивидуальную политическую биографию, свой культурный код или, если воспользоваться термином Данилевского, свой «культурно-исторический тип».

Бисмарк был убежден в том, что Средняя Европа, организующим центром которой должна стать созданная им империя, и Европа Восточная, центром которой является, по его мнению, царская Россия, призваны идти в будущее рука об руку, поддерживая друг друга в общей борьбе против экспансии Запада и его либеральной идеологии. Отсюда устойчивые симпатии Бисмарка к России, его твердая надежда на политический капитал царской дружбы, противодействие немецким и русским западникам, решительная поддержка великодержавной русской политики, как в «польском вопросе», так и ранее, в период Крымской войны. После поражения России в Крымской войне он утверждает, что никакие международные соглашения не способны надолго «лишить стомиллионный народ его естественного права на суверенитет

над принадлежащим ему черноморским побережьем» (БИСМАРК 1940, I: 95).

Тема России, одна из центральных в политической деятельности Бисмарка, красной нитью проходящая и сквозь текст его мемуаров, не исчерпывается, однако, у него свидетельствами признания и согласия. Отождествлению немецкого мира с миром русским препятствует, с точки зрения Бисмарка, характер русского самодержавия, варварского, ибо отмеченного своеволием, вседозволенностью и деспотизмом. Для Бисмарка реализация романтической модели государства если и возможна, то не в России, а в новой Германии, родившейся из протеста против западной цивилизации и ее идейных корней — не только французского Просвещения, но и римского католицизма, которому Бисмарк не случайно объявляет в 1871 г. непримиримую войну, известную под именем «культуркампфа»: «В Каноссу мы не пойдём» (BISMARCK 1956: 157).

Борьба за империю была для Бисмарка его звездным часом. Почти сразу же после ее провозглашения он писал:

«Я скучаю. Все великие дела свершились. Империя создана, она признана и уважаема всеми народами. Охотиться на мелкую дичь нет желания» (BISMARCK 1956: 209).

Но «охота» продолжалась еще в течение двадцати лет. Закрепляя победу своей «консервативной революции» как внутри Германии, так и в области внешней политики, Бисмарк искусно играл на противоречиях между партиями и великими державами, создавал и разрушал коалиции, наращивал могущество и обеспечивал геополитическую безопасность молодой империи. Он знал, что

«международная политика представляет собой текучий элемент, который при известных обстоятельствах принимает твердые формы, но с переменной атмосферы вновь возвращается в свое первоначальное состояние» (БИСМАРК 1940, I: XXVII).

Главная цель его усилий — создание многополярного мира, одним из полюсов которого становится в 1882 г. Германия в союзе с Австро-Венгрией и Италией. Глава 24 воспоминаний, посвященная созданию «Тройственного союза», которому надлежало держать под контролем геополитическую ситуацию в Средней Европе, начинается примечательным рассуждением о постоянной

борьбе двух направлений современной европейской политики, которые Бисмарк, ссылаясь на Наполеона, именует «республиканским» и «казацким» (БИСМАРК 1941, II: 94). Хотя первоначальный план Бисмарка включить в эту коалицию Россию провалился, все его симпатии были на стороне направления «казацкого».

Ни дипломатические успехи, достигнутые Бисмарком в 1870/80-е гг., ни экономический подъем «эпохи грюндерства» не могли задержать культурного кризиса, который вскоре был осмыслен и немецкой, и русской философией как вступление культуры в фазу цивилизации, т. е. переход от творчества к бесплодию, от становления к застою, от героических деяний к механической работе. Бисмарк, лелеявший утопию аристократической монархии, обостренно чувствует разрыв между имперской идеей и необходимостью модернизации государственной машины с опорой на интересы капитала и пролетариата, которые все больше выходят на первый план, все больше при этом расходятся и требуют примирения. Аристократу Бисмарку это претит, он брюзжит, нервничает, становится высокомерным. Его раздражает обнаглевшая чернь, уличная, но и придворная, раздражает и молодой кайзер Вильгельм II, бездарный и тщеславный эгоцентрик, лицемерный и беспринципный, психически неуравновешенный, подверженный влиянию царедворцев, заискивающий перед толпой. Если в творческие годы создания империи присутствующая Бисмарку архаичность мировоззрения давала ему свободу от господствующих канонов и правил, из которой вырастали открытия нового, предвосхищения будущего, то теперь она замыкает его в оппозиции безнадежной и безвыходной.

Нарастающее взаимное недоверие и недовольство между кайзером и его легендарным рейхсканцлером заканчивается тем, что Вильгельм отправляет Бисмарка в отставку, которая его глубоко обижает. Осенью 1890 г., удалившись в свое саксонское поместье «Фридрихсруе», он, лежа на диване, начинает диктовать одному из близких ему сотрудников по министерству иностранных дел, тайному советнику Лотару фон Бухеру, свои воспоминания и мысли. Позднее текст стенограммы несколько раз перерабатывался и редактировался — сначала это делал фон Бухер, затем сам Бисмарк, державший у себя рукопись в течение семи лет, затем его секретарь Рудольф Крисандер и историк Хорст Коль. В ходе этой работы фрагменты воспоминаний были

выстроены в хронологической последовательности и оснащены богатым документальным материалом — выдержками из публичных речей и личной переписки, депеш и служебных записок. Первый том вышел под названием *Мысли и воспоминания* («Gedanken und Erinnerungen») в 1898 г., сразу же после смерти Бисмарка, второй, с авторским посвящением «Сыновьям и внукам для понимания прошлого и в назидание на будущее», — лишь в 1921 г., уже после отречения кайзера Вильгельма II.

Среди произведений мировой мемуарной литературы XIX в. *Мысли и воспоминания* занимают одно из первых мест — по насыщенности увлекательным историческим материалом первостепенной важности, по масштабу личности главного автобиографического героя — идеолога и политического деятеля, претворяющего идеологию в общественную практику, по остроте аналитической мысли и литературному мастерству автора.

Бисмарк — писатель аналитический, он стремится раскрыть причинно-следственные связи, законы, управляющие историческими событиями и поведением их участников. Историческая хроника сфокусирована в личности героя-рассказчика, пропущена сквозь его субъективные переживания, дана в свете его убеждений и оценок. В этом преломлении она становится предметом рефлексии, и именно ретроспективная рефлексия, пространство аналитической мысли образует ту среду, в которой живет весь охваченный воспоминаниями исторический материал.

Мысли и воспоминания Бисмарка так же нераздельны, как *Былое и думы* Герцена, и так же, как у Герцена, обе части этого единства обладают несомненным эстетическим качеством. Гундольф не без оснований называет мемуарную книгу Бисмарка «литературным памятником эпохи» (GUNDOLF 1980: 304). К числу признаков, подтверждающих эту оценку, относится целеустремленный отбор изображаемого, организация событий в структурное единство, построение характеров, индивидуальных и в то же время символически обобщенных, историческая символика выразительных деталей. Все это сближает Бисмарка не только с Герценом, автором *Былого и дум*, но и со многими его современниками, создателями реалистической прозы XIX в.

Бисмарку не чужд исторический фатализм Толстого, у которого царь — раб истории. Мемуары населены десятками исторических персонажей — европейских монархов, их верных или

лукавых слуг, генералов и чиновников разного ранга, и все они, думая, что правят миром, являются лишь наивными исполнителями и жертвами непостижимой мировой воли. Эта тема, толстовская и шопенгауэрианская, не раскрывается у Бисмарка напрямую, но она ощутима в эмоциональной атмосфере его повествования, где на первом плане гордость и властный расчет, желание мести или славы, острая потребность в оправдании прошлого для будущего, а в подтексте — едва намеченная, но то и дело напоминающая о себе ироническая интонация, ирония старческого превосходства и еще более глубокий меланхолический мотив тщетности человеческих усилий, *vanitas vanitatum*.

4. Заключение

По замечанию Мераба Мамардашвили,

«Есть какие-то опыты человеческой культуры, которые отливаются в крупные исторические фигуры, манящие нас своей явной значительностью, таинственностью и своего рода магнетизмом» (МАМАРДАШВИЛИ 1991: 289).

К числу такого рода явлений безусловно относится и личность Бисмарка, его опыт создания Германской империи. Эпоха европейского романтизма создала образ «человека-художника», призванного творить новые формы самой жизни. С романтической точки зрения диссонансы истории представляют собой шифр, которым зашифрована грядущая гармония, тот синтез духовного и чувственно-материального аспектов бытия, который воплотился в мифологеме «Третьего царства». В Германии XIX века о крушении этого мифа свидетельствует, наряду с творчеством поздних романтиков, политическая деятельность Бисмарка — предпринятый им эксперимент социально-политической «революции сверху», которая должна была завершить романтическую «революцию духа». В мемуарах Бисмарка угадывается мысль о том, что цель его борьбы за новую Германию не исчерпывалась созданием сильного милитаристского государства и обеспечением его гегемонии в Европе. Всемирно-историческое значение этой борьбы определялось ее метафизической сверхзадачей — воплощением консервативно-романтической утопии «Золотого века». Не исключено, что Германская империя явилась всего лишь пародией ее авторского проекта.

Список литературы / Zitierte Literatur / Reference

- Белинский В. Г.* Письма 1829-1840 годов // Белинский В. Г. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. XI. М.: Изд. АН СССР, 1956. [Belinsky, Vissarion G. (1956) Pis'ma 1829-1840 (Letters 1829-1940). In Belinsky, Vissarion G. *Polnoye sobraniye sochineniy*. V 13 t. T. 11 (Complete Works in 13 vols. Vol. 11). Moscow: USSR Academy of Sciences. (In Russian)].
- Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. В 3 т. М.: ОГИЗ, 1940-1941. [Bismarck, Otto von. (1940-1941) *Mysli i vospominaniya*. V 3 t. (Thoughts and Memories. In 3 vols). Moscow: State Publishing House. (In Russian)].
- Гинзбург Л. Я.* «Былое и думы» Герцена. Л.: ГИХЛ, 1957. [Ginzburg, Lydia Ya. (1957) "Byloye i dumy" Gertsena (Herzen's "Past and Thoughts"). Leningrad: State Publishing House of Fiction. (In Russian)].
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. СПб.: СПбГУ, 1995. [Danilevskiy, Nikolay Ya. (1995). *Rossiya i Evropa* (Russia and Europe). Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 1995. (In Russian)].
- Мамардашвили М.* Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1992. [Mamardashvili, Merab. (1992). *Kak ya ponimayu filosofiyu* (As I Understand Philosophy). Moscow: Progress. (In Russian)].
- Степун Ф. А.* Немецкий романтизм и философия истории славянофилов // Степун Ф. А. Чаемая Россия. СПб.: РХГИ, 1999. С. 341—357. [Stepun, Fedor A. (1999) Nemetskiy romantizm i filosoiya istorii slavyanofilov (German romanticism and Philosophy of History of the Slavophiles. In Stepun, Fedor A. *Chayemaya Rossiya* (Dream Russia). Saint Petersburg: Christian Institut for Humanities of Russia, 341—357. (In Russian)].
- Тютчев Ф. И.* Полное собр. соч. / с критико-биографическим очерком В. Я. Брюсова, ред. изд. П. В. Быкова. СПб.: Т-во А. Ф. Маркса, 1913. [Tyutchev, Fedor I. (1913). *Polnoye sobraniye sochineniy* (Complete Works). Saint Petersburg: A. F. Marks. (In Russian)].
- Чубинский В. В.* Бисмарк. Политическая биография. М.: Мысль, 1988. [Chubinsky, Vladimir V. (1988) *Bismarck. Politicheskaya biografiya* (Bismarck. Political Biography). Moscow: Mysl'. (In Russian)].
- Эрн В.* От Канта к Круппу // Русская мысль. 1914. № 12. [Ern, Vladimir. (1914) Ot Kanta k Kruppu (From Kant to Krupp). *Russkaya Mysl'* (Russian Thought), 12, 116—124. (In Russian)].
- Bismarck, Otto von. (1956) *Mensch und Staat. Aus den Briefen uns Schriften*. München: Paul List Verlag, 1956.
- Gundolf, Friedrich. (1980) Bismarcks Gedanken und Erinnerungen als Sprachdenkmal (1931). In Schmitz, Victor A., & Martini, Fritz. (eds) *Gundolf, Friedrich. Beiträge zur Literatur- und Geistesgeschichte*. Heidelberg: Verlag Lambert Schneider, 1980, 302—317.
- Heine, Heinrich. (1970). Deutschland. Ein Wintermärchen. In Nationale

Forschungs- und Gedenkstätten der klassischen deutschen Literatur in Weimar. (ed.) *Heine H. Werke in 5 Bänden*. Weimar: Aufbau-Verlag, 1970, 89—166.

Kraus, Hans-Christof. (2015) *Bismarck: Größe, Grenzen, Leistungen*. Stuttgart: Klett-Kotta, 2015.

Walzel, Oskar. (1918) *Deutsche Romantik*. In 2 Bd. Leipzig: B. G. Teubner.

Aleksej I. Sherebin

Russische Staatliche Pädagogische Universität namens Aleksander Herzen

Deutsches Reich als persönliches Projekt

Der Artikel interpretiert politische und literarische Persönlichkeit Otto von Bismarcks als einer Schlüsselfigur der deutschen und europäischen Kultur des 19. Jahrhunderts. Es wird deutlich gemacht, dass Bismarcks Bedeutung weit über die Grenzen der politischen und diplomatischen Diskurse hinausgeht und insbesondere vor dem Hintergrund der deutschen Romantik und der russischen slavophilen Denktradition als Teil der internationalen Geistesgeschichte zu sehen ist. Im Mittelpunkt der Argumentation steht Bismarcks Meisterwerk *Gedanken und Erinnerungen*, ein Mustereispiel autobiographischer Prosa, das, ohne seine Gattungsspezifität zu verlieren, ein literarisches Sprachdenkmal darstellt.

Schlüsselwörter: Bismarck; Geopolitik; Deutsches Reich; historischer Fatalismus; konservative Utopie; Memoiren

Aleksey I. Zherebin

Herzen Russian State Pedagogical University

German Empire as a Personal Project

The article represents the experience of a generalized interpretation of the political and literary personality of Otto von Bismarck as one of the key figures of German and European culture of the 19th century. The purpose of the article is to remind the reader that the significance of Bismarck goes far beyond the history of international and diplomatic relations and should be studied inextricably with the history of ideas in particular on the background of German romanticism and Russian Slavophilism. The important source for such a statement of the question is Bismarck's book *Gedanken und Erinnerungen*, comparable to the best examples of documentary prose, which, without losing their specificity, do not turn into either novels or story and are at the same time outstanding monuments of verbal art.

Keywords: Bismarck; geopolitics; German empire; historical fatalism; conservative utopia; memoirs